

О возможности и осмысленности межрелигиозного диалога

Полученное мной письмо от организаторов конференции начинается стихотворением С.С. Аверинцева о диалоге с другим. Мне хочется вспомнить другие его слова.

В некрологе С.С. Аверинцеву, уже сам, к несчастью, покойный, М.Л. Гаспаров заметил, что очень любит его фразу: "Как жаль, что мы не в силах все вместить и все любить". Интонационное ударение можно делать разное, но я подчеркну "не в силах".

Я бы хотел развить эту мысль в чисто прагматическом плане, применительно к возможности найти инструментарий к диалогу, о котором здесь идет речь. Возможно, мои соображения прозвучат в некотором диссонансе с достаточно оптимистическим общим настроением, но мне кажется, такая вполне пессимистическая нота из общих соображений нужна, чтобы не увлекаться и больше опираться на реалии.

Итак, речь идет о межрелигиозном диалоге (я буду больше говорить об иудейско-христианском диалоге, поскольку эта тема хорошо мне известна). За стол, условно, садятся два человека, имеющих разные религиозные убеждения. Сразу отбросим, как тривиальную, цель диалога обратиться к своей вере. Мы тут все интеллигентные люди. Допустим, что цель - лучше понять другого, почерпнуть для себя новое и полезное из духовного богатства иной традиции. Но тут же начинаются проблемы. Ведь для диалога надо найти некое общее поле, на котором можно действовать.

Однако:

1. Подлинный диалог, в высшем смысле этого слова, предполагает абсолютное признание самоценности другого, в духе понимания диалога Мартином Бубером. Но в силу человеческого устройства это практически невозможно. Дело в том, что религиозное сознание представляет собой иерархическую систему ценностей, тем более в монотеистических религиях, и речь не может идти о взаимопонимании на высшем уровне ценностей этой иерархии. На высшем уровне религиозные ценности эксклюзивны, и этот эксклюзивизм подчиняет себе сознание человека, порой и невольно.

Скажем, невозможно объяснить друг другу, что Иисус - Сын Божий или не Сын Божий. И понятие этого нельзя (еще по словам Тертуллиана). Это можно только принять к сведению.

Но проблема в том, что невозможно отказаться от обсуждений высших иерархических ценностей и спуститься, скажем, на несколько уровней вниз. Эти ценности пронизывают всю систему взглядов верующего, в частности, затрагивая такой важнейший компонент монотеистических религий, как сотериологический. В результате, когда, например, убежденный православный христианин вступает в диалог, он знает, что истина единственна, что она в Иисусе Христе, и что только она спасительна. И он произвольно или непроизвольно начинает относиться к своему собеседнику пусть и с любовью, но со снисходительностью - как к недопонимающему, как к еще неразумному дитяти. Это, конечно, лучше средневековой практики, когда обращали в свою веру огнем и мечом, и вполне в духе русских религиозных философов начала XX в., но диалог сразу вырождается.

Об иудаизме можно сказать то же самое. С сотериологической точки зрения он более пригоден для диалога (согласно положениям иудаизма, все праведники народов мира спасутся - для этого им надо исполнять ограниченный набор требований монотеистической веры), но сама идея партикуляристской этно-конфессиональной избранности (не универсалистской, как в христианстве), лежащая в основе иудаизма, обычно проявляется в психологии верующего, в т.ч. участника диалога с иудейской стороны. Иудей также не чувствует себя равновесным с христианином и в лучшем слу-

чае поглядывает на него опять-таки снисходительно. И в этот момент диалог снова рушится.

Можно ли такую неравновесность преодолеть? Только отказом от эксклюзивистской модели религиозного сознания, принятием других моделей, которая в социологии религии определяется как инклюзивистская (в каждой вере есть элемент истины) или плюралистическая (все веры истинны). Последнюю современный религиозный человек-монотеист, кажется, принять совсем не готов. Слова Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда, "The test of a first-rate intelligence is the ability to hold two opposed ideas in the mind at the same time, and still retain the ability to function - критерий высшего ума: способность иметь в голове две противоположные идеи, но сохранять способность действовать" остаются кличем, в лучшем случае, агностиков и буддистов. Но и инклюзивистскую модель ортодоксальный верующий принять, в целом, не может, ибо руководствуется учением о полноте истины в исповедуемой им религии ("Я есмь путь, истина и жизнь" для христиан, "Тора вмещает все, и Господь творил по ней мир" - как гласит иудейское Предание).

2. В любвеобильном диалоге участвуют, по опыту, по большей части представители либеральных течений. Это происходит естественным образом - в силу размытия религиозных сверх-идей и тем самым взаимного сближения. Но насколько они репрезентативны в качестве представителей своих религий? Это большой вопрос. Может ли здесь идти речь о межрелигиозном диалоге в классическом смысле слова? Если американские равнины-реформисты благословляют синагогальный брак гомосексуалистов, то иудаизм ли это с точки зрения следования Торе?

3. Но я задаю еще более провокативный вопрос: а насколько репрезентативны сидящие здесь в этом зале, с точки зрения представления своей религии? Здесь все очень милье, очень просвещенные люди. Они говорят о необходимости диалога. А вот православные из Союза Православных братств, а представители "Черной сотни"? Ведь они не менее репрезентативны, если не более в качестве представителей православия. Тем самым мы подходим к очень деликатной теме:

Определяя себя в качестве сторон диалога, по определению невозможно исходить только из пафоса первоисточника, например, новозаветного духа любви. Но ни в одной сложившейся религии, по самой ее институциональной конструкции, недопустимо и невозможно апеллировать непосредственно к первоисточнику, а только через вторую составляющую религиозной традиции - Предание. Но давайте посмотрим: как христианское Предание в целом относится к иудеям и возможности диалога с ними? На уровне вселенских соборов, Отцов Церкви? Один мой приятель много лет пытался найти в патрологии Меня что-либо благожелательное об иудеях - не нашел. Противоположных примеров масса, да и об историческом отношении христиан к евреям хорошо известно. А иудаизм? В силу своей истонной диалогичности там гораздо более напряженное взаимодействие между партикуляризмом и универсализмом. Современные иудеи, в силу известных исторических причин, извлекали из Предания прежде всего примеры доброжелательного отношения к иноверцам. Но вот ортодоксальный раввин из Израиля р. Давид Бар-Хаим взял и собрал из еврейского Предания все партикуляристские идеи, порой самого радикального свойства (из тех, что так любят и зачастую, в искаженном виде, цитируют антисемиты), сделал вывод, что они гораздо более авторитетнее и задался вопросом, почему не надо следовать им, а прикрываться современными идеями политкорректности? Он следует традиции и в этом смысле вполне репрезентативен в качестве представителя иудаизма.

И члены Союза Православных братств, и парадок-

сальным образом, черносотенцы также репрезентативны. Они ссылаются на антисемитские гомилы Иоанна Златоуста, конструкции бл. Августина и т.д. и совершенно неопровержимы в своей позиции, с точки зрения следования церковному Преданию. А вот как раз либеральные участники диалога уязвимы, поскольку они фактически в меньшей степени опираются на Предание. Пусть даже с ними и приятнее и полезнее общаться. Но если даже их вдруг станет большинство, будет ли это та же самая религия, или нечто другое? Особенно это касается православия, идентифицирующего себя как верного древнему Преданию.

А в исламе? Основополагающие представления об умме, джихаде, дар-уль ислам и дар-уль харб, другие религиозные понятия многообразны и противоречивы. Содержание их менялось на протяжении долгого времени. Каждый выбирает из Корана и Предания все что хочет и руководствуется выбранным. Какие-то имамы выпускают фетвы, поддерживающие теракты против Израиля, с другой стороны, шейх Паллаци занимается абсолютно произраильскую позицию во всех вопросах - самые правые и консервативные иудеи возят его на конференции за свои деньги, и он точно также, вполне убедительно ссылается в своих выступлениях на мусульманские традиции. Какой же ислам представлен в диалоге, и можно ли говорить об исламе вообще, также как о христианстве и иудаизме вообще?

Т.е. в рамках одной религиозной системы по существу разные традиции, что ограничивает возможность диалога на масштабном уровне.

4. В качестве темы диалога мог бы быть обмен практическими позитивными итогами, достигнутыми религиями. Но где они, по большому счету, эти позитивные результаты - с точки зрения ratio, а не веры, которая, несмотря на всю эмпирику и вопреки ей, верит в "святой остаток", приход Мошиаха или Второе пришествие? К чему пришел христианский мир за двадцать веков? К морю крови, к немецким солдатам, на пряхках которых было выбито "Gott mit uns", к абсолютной секуляризации, к нежеланию творцов Европейской конституции вставить в нее слово "Бог". А иудаизм? Двадцать веков он утопал в крови и гонениях, а теперь? Государство Израиль - это воплощение чаяний иудаизма? Где больше 70% населения - нерелигиозны? Это что, Тель-Авив с его ресторанами и "массажными кабинетами"? А к чему пришел ислам?

Кроме того, собственно и сами эмпирические результаты для ортодоксального верующего нерелевантны. Как вспоминает один из авторов: "Прочитав Введение к "Оправданию добра" Владимира Соловьева, Василий Розанов написал ему письмо, в котором позволил себе не согласиться с тезисом о том, что "та религия истиннее, чьи исповедники нравственнее". Когда в конце 90-х я показал это письмо Сергею Сергеевичу Аверинцеву, то Аверинцев, обычно говоривший о Розанове кратко и лаконично: "Я его боюсь", сам обратил внимание на эти строки и отметил, что, пожалуй, Розанов здесь прав". Т.е. для Аверинцева эмпирические результаты религиозного бытия не столь существенны - что же говорить о "простом" верующем?

5. Но тогда что нам остается обсуждать? Совместные социальные проекты, героические поступки праведников, спасающих людей других вер, вместе протестовать против войн и насилия? Но может ли такое взаимодействие быть названо межрелигиозным диалогом в полном смысле слова?

Если же нам просто хочется познакомиться с идеями друг друга, то почему просто не взять иудейские, христианские книжки и почитать их?

Так что же есть диалог и есть ли в нем смысл? Оставляю вопрос открытым. Спасибо.

Юрий Табак

(<http://berkovich-zametki.com/Avtory/Tabak.htm>)

БЕСЕДА 5. Яков Фихман.

Здравствуйте, дорогие радиослушатели. Мы продолжаем разговор о поэтах "Бялковской плеяды", начатый в прошлой беседе, где более подробно я рассказывала о Якове Штейнберге. Сегодня мне хотелось бы представить вам еще одного автора того же круга - Якова Фихмана, поэта, критика, писателя для детей и редактора. Если и был среди "Бялковской плеяды" кто-то, кто всегда следовал совету Бялика, кто был принят в его доме, как родной, а расставаясь, регулярно писал ему, то это был Яков Фихман. Благодаря их дружеской близости, Фихман, сознавая значимость любых подробностей из жизни большого поэта, смог оставить нам интереснейшие сведения о Бялике и обстоятельствах создания того или иного его произведения. Однако Фихман заслуживает нашего внимания не только в связи с Бяликом - он и сам внес весомый вклад в ивритскую литературу.

Яков, или на иврите Яаков, Фихман родился в 1881 году в небольшом, затерянном среди плодородных степей Бессарабии городке Бельчик. Отец его был земельным арендатором, занимался скотоводством и торговлей. Подобно Чернышковскому, Фихман тоже вырос в непосредственной близости к природе, более того, отец нередко брал его с собой в хозяйство, рассказывал о земле и травах, об овцах и лошадях и приучал сына к ручному труду. Дом был совершенно традиционным, заправляла в нем типично еврейская религиозная бабушка, мать больше возилась с детьми, а отец обеспечивал семью. Образование все дети получили у меламенов, литовских юношей, которые в своих странах добрились до богатого края России. Меламены - они менялись - жили тут же в доме, их любили и уважали и обильно и вкусно кормили. Отец был человеком миролюбивым, давал детям известную свободу, но в то же время воспитывал их в почтении к старшим, в уважении к чужому и своему труду. Яков отличался от братьев и сестер тем, что рано пристрастился к чтению, и поскольку в его тихом провинциальном городке, более напоминавшем деревню, библиотеки не было, читал все, что удавалось достать - на идише, иврите и русском языке, который он учил самостоятельно, глотая книжки, даже если понимал в них от силы половину.

"Я до сих пор помню, - вспоминал позднее Фихман, - какое впечатление произвела на меня первая прочитанная книга. Правда, то была даже не книга, а малюсенькая книжечка "История Али-Бабы и сорока разбойников", которую привез вернувшийся из Одессы папа. Великое событие в моей жизни! Мне было лет семь, а может, и меньше. Еще долгое время я не мог без трепета войти в темный амбар у нас на дворе - он весь был заставлен бочками, и я воображал, что в каждой из них прячется разбойник".

Так в раннем детстве, в 90-е годы 19 века, Фихман прочел в переводах на иврит романы Майн Рида и Дюма-отца, "Робинзон Крузо" Дефо и всевозможные романы из еврейской жизни разных времен, переведенные на идиш и иврит. Читал он и произведения авторов еврейского Просвещения, Гаскалы. Особенно сильное впечатление произвел на него роман Авраама Мапу "Любовь в Сионе". Много позднее Фихман станет одним из первых пропагандистов ивритской литературы Гаскалы, которую сионисты огульно отвергли, как не созвучную их национальной идее. С легкой руки Фихмана, опубликовавшего несколько красочных жизнеописаний авторов Гаскалы, в том числе Авраама Мапу, Иегуды Лейба Гордона, отца и сына Либензонов, Перца Смоленкина, их книги скоро начали издавать, причем не только для взрослых, но и в специальных изданиях для детей, с огласовками и иллюстрациями. Фихман показал, как непросто было писателям-маскинам сделать первый шаг в чужую культуру и, навлекая на себя гнев и презрение традиционной среды, употребить свой талант на создание национальной литературы, пусть даже надобной их народу - так они думали - лишь на короткий срок.

Но вернемся к ранним годам Якова Фихмана. Казалось бы, их не омрачали никакие конфликты, тем не менее и он, подобно Якову Штейнбергу, в 14 лет тайком оставил родительский дом и пошел искать свое счастье. Фихман был здоровым крепким подростком, привычным к труду, воспитанным и деликатным, а потому бессарабские евреи охотно брали его на работу. Кем он только не был, пытаясь заработать на хлеб и кров и помощником пекаря, и мальчиком в лавке, и подавальщиком в харчевне, даже носильщиком и возчиком довелось ему побывать, но он нигде долго не задерживался, предпочитая голод, лишь бы учиться и познавать мир. Наконец он оказался в Кишиневе, первом большом городе в его жизни, и немедленно записался в библиотеку, чтобы сознательно и систематически читать по-русски и по-немецки и пополнять свои знания еврейских источников. Как часто Фихман вспоминал упонительные часы, проведенные с книгой на скамейке кишиневского парка, рядом с памятником Пушкину! Как навсегда осталась благодарен Кишиневу! Но мечтой его, конечно же, была Одесса.

Яков Фихман прибыл в Одессу в 1901 году под предлогом сдать экзамены и получить гимназический аттестат. Но в душе он знал, что Одесса манит его своими еврейскими писателями. Вот тогда и началась его дружба с Хаимом Нахманом Бяликом. А потом на какой-то период его биография пересекается с биографией Якова Штейнберга. Как и Штейнберг, Фихман едет из Одессы в Варшаву, работает в газетках, редактирует, учится, участвует в литературных журфиксах по четвергам у Ицхака Лейбуша Перца, заводит профессиональные знакомства. И Фихман, как Штейнберг, после Первой русской революции и закрытия еврейских издательств ищет внелитературных заработков. Он пробует себя в преподавании, едет в Гродно и поступает там на педагогические курсы, но вскоре убеждается, что учительство - не его призвание, и бросает учебу. Фихман пережил тогда еще и личное горе: в погроме 1906 года была убита любимая им девушка.

В 1912 году Яков Фихман впервые попал в Страну Израиля, куда его пригласили в качестве главного редактора нового ивритского журнала для отчужденцев "Родина". Этот замечательный журнал выходил всего два с половиной года. Фихман публиковал в нем и новые произведения современных ивритских авторов, и переводы из мировой литературы, и статьи о писателях, в частности о Кнуте Гамсуне, Льве Толстом, Леониде Андрееве,

которые писал, как правило, сам. Он мягко, но последовательно развивал своего юного читателя, расширял его кругозор, воспитывал вкус. К сожалению, в настоящее время подобных изданий в Израиле просто не существует. С этого успешного редакторского опыта началась продолжавшаяся почти всю жизнь работа Фихмана на ниве еврейского просвещения. Он составил огромное количество всевозможных антологий для детей, подростков и взрослых, хрестоматий для учащихся продвинутого уровня, по которым занимались евреи в Восточной Европе и Палестине. Он также неоднократно был ответственным редактором периодических изданий для детей и юношества.

Когда я беру в руки сделанные Фихманом журналы для детей, например "Будущее", или хрестоматии для чтения в израильских школах, я нахожу там много замечательных произведений ивритской классики и писателей-современников, воспитывающих любовь к своему народу, к своей земле, к niezbлемым ценностям еврейской традиции, патриотизм и порядочность, гордость за военные победы в эпоху сионизма и государства. Почему, думаю я, так изменилась идеологическая направленность школьного образования? Почему в хрестоматиях и учебных книгах для среднего звена наших школ мы больше не найдем рассказов о героизме израильских солдат, историй о трудовом подвижничестве халулим, первопроходцев сионистского строительства, и их борьбу с арабами-налетчиками? Если бы нынешние книги для чтения в 6-м, 7-м классах не были написаны на иврите, если бы в них не было еврейских или израильских имен, почти нельзя было бы догадаться, что это книги для воспитания еврейской молодежи. Нынешним педагогам задача национального воспитания не близка, они ориентированы лишь на общечеловеческие проблемы и ценности. Сказывается это и в том, какие произведения изучают в курсе литературы. Вот и получается, что мало кто из окончивших в последние два-три десятилетия школу в Израиле знает историю ивритской литературы 20 века, помнит имена тех, о ком я рассказывала, т.е. тех, кто еще лет 50-60 тому назад считались центральными фигурами в еврейской культуре.

Но вернемся к биографии Фихмана. Годы Первой мировой войны он провел в Одессе, рядом с Бяликом, иногда называя в Москву, где после февральской революции небывалым образом активизировалась еврейская политическая и культурная жизнь. В частности, в Москве начало работу книгоиздательство Авраама Йосефа Штыбеля, удачливого коммерсанта, горевшего страстным желанием превратить ивритскую литературу в одну из ведущих литератур современного мира. Он жертвовал на гонорары и издательские проекты огромные деньги, мобилизовал на творчество и переводы лучшие литературные силы нации, для меня очевидно, что без его фанатичной преданности делу развитие ивритской культуры приняло бы иные формы. Фихман в разные годы плодотворно сотрудничал с издательством Штыбеля. В писательском архиве "Гназим" в Тель-Авиве я нашла письмо Фихмана весны 1917 года. Оно написано по-русски, и мне хотелось бы продемонстрировать своим слушателям образец русского языка ивритского писателя:

"...П пишу Вам из Москвы, куда я был вызван для редактирования "Мировой литературы" в это тяжелое время [проект Штыбеля]. Меня эти годы застали врасплох. Я давно уже изгнан из своего "идиллического шатра", но бурь я все-таки сторонюсь. Мною намечены и начаты некоторые крупные работы. Если Бог даст скорей конец войны, то я сейчас же перееду в Палестину, где засяду за перо. Пока же привожу в порядок свои критические статьи и стихотворения, которые выйдут в четырех книгах... " [Издание было осуществлено лишь частично.]

В Палестину Фихман вернулся на легендарном судне "Руслан", которое открыло так называемую тегендо алью. Это судно отшвартовалось от берега Одессы и прибыло в афшкий порт на Хануку, т.е. в декабре, 1919 года. "Руслан" привез в Палестину более 500 человек, среди которых были видные литераторы, врачи, журналисты, общественные деятели. С тех пор Фихман почти безвыездно жил в Тель-Авиве. Он умер в довольно преклонном по тем временам возрасте - в 77 лет. Его именем названы улицы во многих городах Израиля.

В ивритской поэзии Яков Фихман предстает живописцем-лириком: свойственная его характеру созерцательность и рано проявившаяся любовь к природе выразились в точности изображения ее изменчивых состояний, всегда очень конкретных и убедительно схваченных. Достаточно проследить за названиями его пейзажной лирики: "Перед грозой", "После заката", "Начало осени", "Летняя ночь", "Тучи в месяце зуле", "Горное безмолвие", "Весна в Шомроне" и им подобных, чтобы выделить Фихмана из современных ему поэтов, чьи представления о природе были обобщенными, почерпнутыми в основном из книг. Если сравнить пейзажную лирику Фихмана с русской, то мне ближайшим к ней поэтом видится Тютчев, тогда как Леа Гольдберг, например, находясь в ней сходство с Фетом. Во многих стихотворениях Фихмана пейзаж сопоставляется с душевным строем поэта в описываемый момент, и этот лирико-символический параллелизм тоже сближает его с Тютчевым.

Умение видеть и понимать настроение пейзажа помогло Фихману одним из первых освоить в слове новый ландшафт Земли Израиля. В доказательство приведу выдержки из его стихотворения "Моя страна", переведенного Владиславом Ходасевичем:

Цикл радиолекций "Российские евреи - ивритские писатели" Д-р Зоя Копельман (Иерусалим)

О ты, страна моя, насыщенная морем,
Страна безмолвных гор и величавых туч...
...Ты вся моя. Люблю песков твоих неярких
Струны нежное на берегу морском
И пусть пышную цветов, что теплым утром
Трепещут, как сердца, под легким ветерком...

...Никто не ведает про то, что мне шептали
Твой каждый кустик, терн в расщелине скалы,
Когда волненьем печально странно-древней,
Я бреду долинами в часы вечерней мглы.

В этом стихотворении, что характерно для Фихмана, неразделимо сплетены три смысловых плана: собственно пейзаж, индивидуальное чувство поэта и историческая память еврея. В нем различна интонация перомтовской "Родины": "Люблю дымок спаленной живны, / В степи кокующей обоз...", что неудивительно - первой публикацией Фихмана был перевод перомтовского "Когда волнуется желтеющая нива", увидевший свет в детском журнале на иврите "Утешительный сад" (1900). Автору было тогда 19, и хотя к тому времени у него накопилось уже немало собственных стихотворений, посвященных требовательности к себе и ответственности перед поэзией удерживали Фихмана от публикации стихов в редакции. Оттого и первый сборник его стихов под названием "Стебли", вышел относительно поздно, в 1911 году. Мне мила лирика Фихмана, она учит различать малейшие нюансы пейзажа, запечатлевает неповторимое очарование момента и тем срочнее эстетике импрессионистом. Его короткие стихотворения отточены и продуманы и видимо оттого легки. Фихман-критик призывал поэтов к лаконичности лирического жанра, приводя в пример короткие лирические стихотворения, известные как Lied и знакомые нам по лирике Гейне, которого Фихман чрезвычайно ценит и перевел на иврит.

Фихман формировался как поэт в эпоху, когда и Бялик, и редакторы еврейских журналов настоятельно требовали этической поэзии, поэм с национальным содержанием. Фихманом написаны несколько поэм на библейские темы, иногда драматических, т.е. с распределением по ролям, подобно пушкинским "южным поэмам", таким как "Цыганы" или "Кавказский пленник". Однако и здесь поэта прежде всего интересует не сюжет, а душевное состояние его героев, будь то мовитанка Руг, последовавшая за свекровью в еврейский Бет-Лехем, или царь Давид, сладчайший из поэтов Израиля, изображенный им в горестный период творческого бессилия.

На этой поэме "Травр Давида", мне хотелось бы остановиться подробнее. В 1931 году Фихман обратился к персонажу из далекого прошлого, но создал произведение на тему вневременную - тему тяжелейшего кризиса и смятения, когда поэт вдруг с ужасом убеждается, что не в силах написать ни строчки. Поскольку к творчеству Фихмана в те годы эта проблема касательно не имела, не исключено, что отчаяние Давида в фихмановской поэме должно было косвенно повлиять на отношение читателей к затнутому молчанию Бялика, который после 1915 года стихов почти не писал. Читательская публика терпелива поэта, напоминала, что с нетерпением ждет его новых вещей, а Фихман, желая защитить любимого Бялика, показал ей, что в подобной ситуации именно поэт оказывается трагической фигурой.

В заключение мне хочется прочесть стихотворение Фихмана о древней финикийской столице, библейском городе Цидоне, или Сидоне. Оно выдержано в духе поэзии "национального возрождения" в том смысле, что все, связанное с средиземноморским побережьем Ближнего Востока, подчеркивает расство евреев 20-го века с исторической родиной. Это - своеобразная сионид, стихотворение о тоске по Сиону. Однако лирический голос принадлежит тут персонажу, чья национальность явно не обозначена. Перевод стихотворения был выполнен в 1919 году поэтессой Рахелью, которой я посвящаю отдельную передачу. Итак, Яков Фихман, "Сидон"

На город глядел я. В полуденный зной
Он с моря казался виденьем, мечтой.
Сквозь дымку лазури из чащи садов
Не слышалось эхо ничьих голосов.
Как будто забыт до предела времени
У древнего моря раскинулся он.
Лишь мирт зеленел и темнел кипарис,
Верхушек багряных виднелся абрис,
Да желтые ветвы мимозы одне
Явились взору в той сказке-стране
Ноги человека не видно следа!
И только скалитам морским иногда
Шлет тайные знаки загадочный град
В венке огневом снежных громад.
"О, помни в холодной отчизне твоей,
Что все еще здесь я за гранью морей!"

Там город безмолвья в синини дня
Далекими чарами нежил меня.
И долго глядел я, и жаждал душой
Земли запovedной коснуться ногой;
Но медленно путь мой направил вперед.
От грезы-страны отошел паромод,
С тех пор и живет она в сердце моем
Спящая тайною, радостным сном
Сидая над бездной бессонных ночей.
"Я здесь, как и прежде, за гранью морей!"

(Продолжение. Начало в №№ 120-123)

Братская ГЭС

В целом, поэму "Братская ГЭС" можно с полным правом назвать поэмой света. Мотив света проходит красной нитью сквозь всю поэму, строящуюся как диалог египетской пирамиды с Братской ГЭС. Именно противопоставление этих гигантов - одной, построенной рабами для увековечения памяти очередного фараона (сколько в истории было этих "фараонов"), нужной лишь самому фараону, с другой, строящейся свободными людьми для вполне практических целей - нести людям свет, и придает целостность этому сложно-противоположному произведению.

Свет - синоним добра во всех языках. Свет - это то, к чему стремится человечество. Недаром в еврейской традиции так много внимания уделяется именно свету: в Субботу и в праздники, на свадьбах и на похоронах, в дни веселья и горести евреи зажигают светильники. В книге Кохелет (2:13) (в русской традиции - Екклесиаст) сказано: "И увидел я, что есть преимущество у мудрости перед глупостью, - как у света перед тьмой". В Храме стояла Менора, светившая круглые сутки и, согласно еврейской традиции, несущая свет миру. Первое, что создал Вс-вышний - свет: "Сказал Всесильный: Да будет свет" и стал свет. И увидел Всесильный свет, что он хорош, и отделил Всесильный свет от тьмы" ("Берешит", 1:3,4). С этого началось Творение.

Это смелый и отважный поступок Евтушенко-поэта, Евтушенко-гражданина мира - сделать героем главы "Диспетчер света", через которого, собственно, и поступает человечество свет, еврей Изя Крамера, выжившего после одной из самых страшных катастроф своего народа. Евтушенко не побоялся сказать это в 1964 году, когда далеко не весь мир был готов признать сам факт попытки уничтожения целого народа. Потому, что признав это, мир должен был разделить и ответственность за произошедшую трагедию.

Диспетчер света

Я диспетчер света, Изя Крамер.
Ток я шлю крестьянину, врачу,
двигаю контейнеры и краны
и кинокомедии кручу.

Где-то в переулочках неслышным,
обнимаясь, бродят, как всегда.
Изя Крамер светит вам не слишком?
Я могу убавить, если да.

У меня по личной части скверно.
До сих пор жены все нет и нет.
Сорок лет не старость, это верно,
только и не юность сорок лет.

О своей судьбе я не жалею,
отчего же все-таки тогда
зубы у меня из нержавейки,
да и голова седым-седа!

Вот стою за пультом над водою,
думаю про это и про то,
а меня на белом свете двое,
и не знает этого никто.

Я и здесь и в то же время где-то.
Здесь - дела, а там - тела, дела...
Проволока рижского гетто
надвое меня разодрала.

Оба Изя в этой самой коже.
Жарко одному, другой дрожит.
Одному кричат: "Здорово, кореш!" -
а другому: "Эй, пархатый жид!"

И у одного, в тайге рождаюсь,
просят света дети-города,
у другого к рукаву прижалась
желтая несчастная звезда.

Но другому на звезду, на кепку
сыплется черемуховый цвет,
а семнадцать лет - они и в гетто,
что ни говори, семнадцать лет.

Тело жадно дышит сквозь отрепья
и чего-то просит у весны...
А у Ривы, как молитва ребе,
волосы туманны и длинные.

Пьяные эсесовцы глумливо
шляются по гетто до зари...
А глаза у Ривы - словно взрывы,
черные они, с огнем внутри.

Молится она окаменело,
но молитесь губы не хотят
и к мним, таким же неумельным,
шелушась, по воздуху летят!

И, забыв о голоде и смерти,
полные особенным, своим,
мы на симфоническом концерте
в складе продовольственном сидим.

Пальцы на ходу дыханьем грея,
к нам выходит крошечный оркестр.
Исполнять Бетховена евреям
разрешило все-таки эсэс.

Хилые, на ящиках фанерных,
поднимают скрипки старички,
и по нервам, по гудящим нервам
плещут иступленные смычки.

И звучат бомбежки ураганно,
хоры мертвых женщин и детей,
и вступают гулко и органично
трубы где-то ждущих нас печей.

Ваша кровь, Майданек и Освенцим,
из-под пианинных клавиш бьет,
и, бушует, - немец против немцев,
- Людвиг ван Бетховен встает!

Ну, а в дверь, дыша недавней пьянкой,
прет на нас эсесовцев толпа...
Бедный гений, сделали приманкой
богом осененного тебя.

И опять на пытки и на муки
тащит нас куда-то солдатыя.
Людвиг ван Бетховен, чьи-то руки
отдирают Риву от меня!

Наш конлагерь птицы облетают,
стороною облака плывут.
Крысы в нем и то не обитают,
ну, а люди пробуют - живут.

Я не сплю, на вшивых нарах лежа,
и одна молитва у меня:
"Как меня, не мучай Риву, боже,
сделай так, чтоб Рива умерла!"

Но однажды, землю молчаливо
рядом с женским лагерем долбя,
я чуть не кричу... я вижу Риву,
словно призрак, около себя.

А она стоит, почти незрима
от прозрачной детской худобы,
колыхаясь, будто струйка дыма
из кирпичной лагерьной трубы.

И живая или неживая -
не пойму... Как в сон погружена,
мертвенно матрасы набивает
человечий волосом она.

Рядом ходит немка, руки в бедра,
созерцая этот страшный труд.
Сапоги скрипят, сверкают больно.
Сапоги новехонькие. Жмут.

"Эй, жидовка, слышишь, брось матрасы!
Полойди! А ну-ка помоги!"
Я рыдаю. С ног ее икрастых
стягивает Рива сапоги.

"Поживее! Плетки захотела!
Посильней тям! - И в гульда линком.-
А теперь их разности мне, стерва!
Надевай! Надевай! Марш бегом!"

И бежит, бежит по кругу Рива,
спотыкаясь посреди камней,
и солдат лоснящиеся рыла
с вышек ухмыляются над ней.

Боже, я просил ей смерти, поминишь?
Почему она еще живет?
Я кричу, бросаюсь ей на помощь,
мне товарищ затыкает рот.

И она бежит, бежит по кругу,
падает, встает, лицо в крови.
Боже, протани ей свою руку,
навсегда ее остави!

Боже, я опять прошу об этом!
Милосердный боже, так нельзя!
Солнце, словно лагерьный прожектор,
Риве бьет в безумные глаза.

Падает... К сырой земле прижалась
девчичья седая голова.
Наконец-то вспомнил бог про жалость.
Бог услышал, Рива: ты мертва...

Я диспетчер света, Изя Крамер.
Я огнями ГЭС на вас гляжу,
грохочу электротрансформации
и электровозами гужу.

Где-то на бетховенском концерте
вы сидите, - может быть, с женой,
ну, а я - вас это не рассердит? -
около сажусь, на приставной.

Впрочем, это там не я, а кто-то...
Людвиг ван Бетховен, я сейчас
на пиютрах освещаю ноты
из тайги, стирая слезы с глаз.

И, платя за свет в квартире вашей,
счет кллада с небрежностью в буфет,
помните, какой ценою страшной
Изя Крамер заплатил за свет.

Знает Изя: много надо света,
чтоб не видеть больше мне и вам
ни колечей проволоки гетто
ни звезд, примерзших к рукавам.

Чтобы над евреями бесчестно
не глумился сытый чай-то смех,
чтобы слово "жид" навеки исчезло,
не позоря слова "человек"!

Этот Изя кое-что да значит -
Ангара у ног его лежит,
ну, а где-то Изя плачет, плачет,
ну, а Рива все бежит, бежит...

Это берущее за душу стихотворение, наверное, лучше, что написано в русской поэзии на тему Холокоста. Его нет смысла "разбирать", вообще "трогать руками". Его надо тихо, тихо читать, много, много раз. Как рассматривают совершенный бриллиант, пытаясь разгадать его завораживающую красоту. И тогда оно засветится всеми своими гранями, отдаст свое тепло, откроется вам во всем своем великолепии. Или загляните в еврейские бездонные глаза, и там вы прочтете то, что не написано ни в одной книге, что невозможно выразить никакими словами, и тогда появится надежда на то, что действительно

...слово "жид" навеки исчезнет,
не позоря слова "человек"!

Евтушенко часто посещает Израиль с чтением своих стихов, так как очень много поклонников и ценителей его творчества живут сейчас в этой стране (как, в связи с этим, не вспомнить вопрос из "Дополненного человека"?). Эти встречи собирают огромные аудитории и проходят в непринужденной, можно сказать, домашней обстановке. В результате этих встреч и родилось следующее стихотворение:

Израильская Россия

Есть израильская Россия.
В ней выводят куда-то в когда-то
На Плющину и Невский кривые
Переулочки древнего Цфата.

Да и улицы Назарета,
Беер Шевы и Кармиэля
вроде русского лазарета
где и Пушкин, и Блок уцелели.

Здесь, бульварами Тель-Авива,
эмигрировав полусчастливо,
бродит с палочкой пенсионера
призрак маленького СССРа.

Их в почти позабытое время
называли когда-то: "евреи",
а здесь - владыке от России -
сразу "русскими" их окрестили.

Та израильская Россия
тоже квасит капуту в калашке
и медали свои боевые
начищают к посмертной подушке.

Из Джембула и Белой Церкви
старички, свои шекели стиснув,
выручают, идя на концерты,
из российской России артистов.
И поэту из их "когда-то"
(в том "когда-то" мальчишке с прыщами)
тянут книжечки, взятые свято
в их багаж немуренный, прощальный.

Эх, израильская Россия...
Тебе хочется не впервые
к той России - не теле-аванской -
прыгнуть, чтобы помочь, - в телевизор...

Если здесь небольшая вьюга,
снег походит на школьного друга,
и летит над Иерусалимом
снег, нечаянно ставший "олимом"...

Здесь все же необходимо сказать и о Евтушенко-лирике, поэте, чьи стихи стали песнями, так как именно эти песни сделали его "узнаваемым" для большого количества людей, особенно молодежи. Это очень важно, потому что эта популярность придавала большому вес его высказываниям и выступлениям на "серьезные" темы. Сам Евтушенко определил этот феномен фразой "поэт в России больше, чем поэт".

На стихи Евтушенко писали многие выдающиеся композиторы-песенники: А. Пахмутова, Е. Крылатов, А. Бабаджанян, А. Эшпай, М. Таривердиев, Э. Колмановский. Такие песни, как "А снег идет" (Андрей Эшпай), "Вальс о вальсе", "Идут белые снеги", "Хотят ли русские войны" (Эдуард Колмановский), "Серезжа ольховая", "Не надо бояться" (Евгений Крылатов), "Со мною вот что происходит" (Микаэл Таривердиев), "Чертова колесо" (Арно Бабаджанян) и многие другие становились массовыми, их пела вся страна. Такая популярность, с одной стороны, накладывала большую ответственность за все поступки и слова, с другой - позволяла говорить то, что другому власти не позволили бы. И Евтушенко использовал эту возможность, что спордически навлекло на него подозрения в сотрудничестве с "органами", упреки в потворстве властям и прочие негативы, присущие советской эпохе.

Но Евтушенко "стоялся" и как поэт, и как гражданин. Доказательство этому бесчисленные награды, как российские, так и зарубежные: Евтушенко награжден орденами Трудовой Красной Знамени, "Знак Почета", Дружбы народов (1993: отказался от получения в знак протеста против войны в Чечне), медалью "За укрепление боевого содружества" (1986), орденом "Дружба" (1988, Вьетнам). Государственная премия СССР (1984), медали Советского фонда мира, "Защитнику свободной России" (1991), Свободы Американского еврейского комитета (1991), премии "Фреджене-81" (Италия), им. Г. Табидзе (1981), "Литературной России" (1986), "ЛГ" (1988), журнала "Огонек" (1989), им. Д. Боккаччо за лучший роман года (Италия, 1995), "ТЭФИ" (1998), У. Уитмена (США, 1999). Почетный член Американской академии, Академии изящных искусств в Малаге (Испания), почетный профессор Университета новой школы в Нью-Йорке и Королевского колледжа в Квинсе (США), почетный гражданин американских городов Атланта, Новый Орлеан, Мобиль, Оклахома-Сити. Именем Евтушенко названа одна из малых планет (2000).

20 ноября 2007 года в израильском Кнессете в парламентской комиссии по вопросам алии, абсорбции и диаспоры состоялась историческое событие: русский поэт Евгений Евтушенко был выдвинут на соискание Нобелевской премии по литературе. Председатель израильского отделения Всемирного конгресса русскоязычных евреев (ВКРЕ) Юлий Кошаровский, заявил:

"Наш Конгресс объединяет в своих рядах евреев, проживающих в 27 странах мира. Для них Ваш искренний и мощный голос продолжает разрывать паутину ксенофобии и антисемитизма, Ваше творчество согревает наши сердца. Учитывая Ваши огромные заслуги перед мировой литературой, художественное совершенство, а также мужественную позицию, которую Вы демонстрируете на протяжении полувека, мы приняли решение выдвинуть Вас на соискание Нобелевской премии по литературе 2008 года".

К этому трудно что-то добавить.

Дмитрий Цвибель

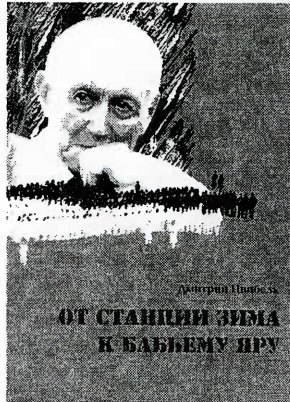
Отключение. Начало в №№ 122, 123

С блистательной победой возвратились из Минска с чемпионата мира по борьбе самбо среди мастеров, в котором приняли участие 340 борцов из 23 стран, члены Петрозаводской общины Игорь Варавва и Михаил Бравый. Игорь, выигравший все бои, стал чемпионом мира в возрастной категории 40 - 44, вес - 62 кг.; Михаил - завоевал серебряную медаль в категории 60 - 64, вес - 68 кг. Михаил Бравый, ставший в мае этого года Чемпионом России, является ответственным секретарем Попечительского совета общины, а со дня основания Благотворительного фонда Хэсэд Агамим до 2003 года возглавлял эту организацию. Игорь Варавва и Михаил Бравый - воспитанники тренера Ильи Шегельмана, основателя (в 1969 году) и Президента карельской федерации борьбы самбо и дзюдо, Старшего тренера сборной Карелии. Илья Шегельман, кроме того, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета, директор Карельского научно-исследовательского института лесопромышленного комплекса. Все это Илья Шегельман совмещает и с активной общественной деятельностью на посту заместителя председателя Попечительского совета общины.

Пожелаем им всем отличной спортивной формы и новых побед!

Большой интерес вызвала презентация новой книги Дмитрия Цвибеля "От Станции Зима к Бабьему Яру", выпущенная Издательским домом "ТИН". Как написано в преамбуле: "Автор данной книги пытается понять один из аспектов творчества самого, быть может, читаемого русского поэта второй половины XX века - Евгения Евтушенко, а именно - его обращение к еврейской теме. Сама тема не нова. Но именно в XX веке отношение к этой теме стало камнем преткновения для многих, "лакмусовой бумагой" - тестом на порядочность, возможностью определения собственной гражданской позиции. Действительно, что заставляет Евтушенко, по-

эта, стихи которого давно уже стали классикой, переведены на более чем 70 языков мира, вновь и вновь на протяжении всего своего творчества так или иначе обращаться к еврейской теме? Где искать истоки этого явления? В названии книги есть подзаголовок: "Еврейские обертоны творчества Евтушенко". Обертоны - это те призвуки основного звука, которые придают ему окраску, делают его неповторимым, индивидуальным. Конечно, еврейская тема не является основной темой творчества Евтушенко, однако на протяжении уже более сорока лет поэт постоянно возвращается к ней, и это не может быть случайным явлением". Всемирный конгресс русскоязычного еврейства выдвинул Евгения Евтушенко на соискание Нобелевской премии по литературе за 2008 год. Как сказал автор на презентации: "Я надеюсь, что книга найдет своего заинтересованного читателя".

Закончились осенние праздники, начался новый еврейский год. Будем надеяться, что он принесет мир, благополучие, удачу нашей общине, всем евреям, всем людям Земли. Нашу общину поздравили мэр города Виктор Масляков, министр РК по делам национальной политики и связям с религиозными объединениями Андрей Манин. Кроме того, министерство предоставило грант на проведение праздника Рош ха-Шана, прошедшего в теплой домашней обстановке благодаря

прекрасному концерту, на котором выступили танцевальный ансамбль "Авив" под руководством неугомонной Натальи Гуль и вокальный ансамбль "Летающая птица", руководимый Элиной Белокуровой (на снимке).

Еврейская община
имеет честь поздравить
с Днем рождения

**КРИВЧЕНКА ИСААКА
ЕФИМОВИЧА**

Желаем здоровья,
бодрости духа и
ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Наша кухня

Студень из куриных потрохов

Куриные головы, ножки, крылышки, шеи, желудки (1500-1800 г), куриное мясо 300 г, желатин 1 ст. ложка, морковь 1 шт., лук репчатый 1 шт., соль, перец.

В начале необходимо тщательно обработать потроха. Гребешок и голову обдают кипятком, после чего гребешок очищают от покрывающей его пленки, а до головы выщипывают перья, удаляют глаза, клюв. Ножки обдают кипятком и сразу же снимают с них грубую кожу и обрезают когти. Желудок разрезают, очищают от содержащихся в нем пищевых остатков и внутренней оболочки.

Хорошо промытые куриные потроха кладут в кастрюлю, заливают холодной водой и варят 3 часа на медленном огне. За 1 час до окончания кладут в кастрюлю куриное мясо. Дальнейшую варку, обработку и разливку производят, как обычно.

Салат из яиц и куриных потрохов (грибнос)

Яйца 2 шт., зеленый лук 50 г или репчатый лук 1 шт., куриный жир 1 ст. ложка, потроха от 2 тушек птицы.

Желудок и печенку обрабатывают (желудок как описано в предыдущем рецепте, из печени вырезают желчный пузырь), промывают и отваривают. Отваривают вкрутую яйца. Потроха, яйца и зеленый лук (или репчатый) мелко нарезают, все перемешивают, солят и поливают куриным жиром.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**НЕТ ТАКОЙ ИСТИНЫ, КОТОРАЯ
НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИСКАЖЕНА.**

Б. Спиноза

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

ЛИПНИНУ
Наталью Яковлевну
МОШИАШВИЛИ
Шебетая Соломоновича
СКОРИКА
Виктора Анатольевича
ФРЕЙДИНА
Владимира Борисовича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская
еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой
"Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1,
тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.